Переводы и комментарии

От редакции

Читатель может составить собственное исходное представление о фигуре и трудах британского социолога польского происхождения Станислава Андрески в наших предшествующих публикациях [Андрески 2011; Макаренко 2011; Проблемы политической философии… 2012; Макаренко 2018а; Макаренко 2018б; Макаренко 2019]. Для развития представления в твёрдое знание публикуется перевод главы 6 из книги Андрески «Колдовство в социальных науках» [Andreski 2002].

В.П. Макаренко

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА ЖАРГОНА

Станислав Андрески

Человеческий разум не располагает достаточными средствами для понимания социальной действительности, которая является не только крайне сложной, но и текучей, неопределённой, обманчивой. Её можно объяснить лишь посредством использования понятий, настолько слабо укоренённых в наблюдении, что они без особых затруднений возносятся в область чистого вымысла, не связанного с действительностью. Хаос в сфере терминологии – лишь один из аспектов слабого развития знания в целом. Поэтому определения в словарях социологических и политических терминов информируют нас только о способе употребления людьми определённых слов, но не дают никаких дополнительных указаний относительно того, как их надо употреблять в конкретных обстоятельствах места и времени. Если взглянуть на проблему в целом и вынести за скобку экономистов, то грехи антропологов меньше, чем грехи представителей других социальных наук. Антропологи при описании чужих и прежде неизвестных обычаев и верований не нуждались в презентации собственных открытий с помощью неопределённого жаргона, который рассчитан на то, чтобы понравиться читателям. Обычно таким жаргоном пользуются социологи и психологи при обсуждении тривиальных тем, о которых трудно сказать что-либо действительно оригинальное и открывающее новые горизонты. Если ты толковый и сообразительный чиновник, то можешь узнать кое-что новое о своей профессиональной группе из книг, но не должен надеяться на сногсшибательные новости. Но если ты европеец или американец и никогда не изучал этнографию Марокко, то у тебя нет никакого представления о том, что происходит в Атласских горах. Что бы ты о них не прочитал, для тебя это будет новостью.

Не менее важно то, что даже во времена бурного развития антропологии у простых людей по-прежнему остаётся мало шансов прочесть о себе хоть что-нибудь из того, что пишут о них антропологи. Если бы даже это произошло, у рядового человека почти нет возможностей помешать автору писать то, с чем этот человек не согласен. Но стремительное сжатие мира

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.1.174193

по мере деколонизации радикально изменило это положение вещей. Теперь антропологи стали намного осмотрительнее – с учётом щепетильности объекта исследования. Дело дошло до того, что многие из них вынуждены называться социологами ради получения визы в новые страны, в которых обычно плохо относятся к специалистам по проблемам первобытных обществ.

Хотя ценность чистого анализа понятий, не связанного с созданием теории, крайне ограничена, нельзя утверждать, что такой анализ совершенно бесполезен. Напротив, постоянная ориентация на верное понимание смысла терминов необходима при анализе любых вопросов, связанных с изучением поведения людей, поскольку действующие на этом поле мощные социальные силы способствуют ещё большей путанице понятий по сравнению с той ситуацией, которая вытекает из недостаточного развития данной сферы исследований.

Наиболее ярким примером терминологической путаницы является Т. Парсонс. Это заметно уже в его книге «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе», хотя она написана более ясно, чем остальные его труды[1]. Достоинство этой книги состоит в том, что она претендует на нечто большее по сравнению с популярным представлением о социологии как занятии для бездумных исследователей, бегающих туда-сюда с анкетами. Они интересуются лишь сбором текущей информации, и абсолютно равнодушны к бесполезным вопросам типа эволюции человеческого общества или сущности социальных связей. Но вопреки благим намерениям Парсонса в его мыслях и высказываниях ясности нет. Это неизбежно ведёт к тому, что даже простейшую истину он умеет превратить в совершенно непонятную. Любому школьнику известно, что мозг нормального человека вместе с орудиями труда и накопленным знанием нужны для достижения его целей. Но Парсонс считает необходимым публично объявить об этом и пишет:

> «Способности конституируют манипулятивные техники достижения и контроля целей человеком в его отношениях с физическим миром до тех пор, пока они не будут дополнены предметами и особыми машинами, сконструированными в качестве средств (орудий). Типовые человеческие способности управляются организованным и кодифицированным знанием относительно как предметов, так и человеческих способностей воздействия на них. Такое знание есть аспект процессов символизации, происходящих на уровне культуры, и, подобно другим рассматриваемым здесь аспектам, требуют определённых возможностей нервной системы человека, особенно мозга. Такая органическая система является несомненно ключевой для всех процессов символизации, а как известно, человеческий мозг значительно превышает мозг других видов» [Цит. по: Andreski 2002: 68].

Страсть Парсонса к путанице лучше всего заметна в первой главе указанной книги, в которой он описывает основы своей пресловутой общей теории действия, которая сводится к вымученным, напыщенным и водянистым банальностям.

> «В границах, определяемых, с одной стороны, генетикой вида, а с другой – нормативными культурными образцами, располагаются возможности конкретных индивидов и групп развивать независимые структурированные поведенческие системы. Поскольку действующее лицо (actor) в генетическом плане является человеком и поскольку его научение происходит в контексте определённой культурной системы, его поведенческая система (которую я буду называть его личностью), усвоенная посредством обучения, имеет черты, общие с другими личностями, например, язык, на котором он привык говорить. В то же время его организм и его окружение – физическое, социальное и культурное – всегда в

[1] Со времени написания этого предложения Парсонса намного обогнали, как читатель может увидеть в главе 18 под названием «Хвосты постоянно отрастают».

определённых аспектах уникальны. Следовательно, его собственная поведенческая система будет уникальным вариантом культуры и присущих ей образцов действия. Поэтому существенно важно рассматривать систему личности как не сводимую ни к организму, ни к культуре. То, чему научаются, не является ни фрагментом «структуры» организма в обычном смысле слова, ни свойством культурной системы. С аналитической точки зрения система личности является самостоятельной системой» [Цит. по: Парсонс 1993: 98].

Содержание приведённого отрывка сводится к элементарному утверждению: хотя всякий человек во многих отношениях подобен другим, он в то же время отличается от них и ещё чем-то таким, что не определяется полностью ни свойствами организма, ни состоянием культуры. Этот пассаж нельзя назвать научным открытием. Нередко безразличие Парсонса к смыслу терминов и непонимание логики склоняют его к формулировке не только банальных, но и совершенно бессмысленных суждений. Например, когда он утверждает: «В сфере действия ген был заменён символом как основным элементом структуры». Вряд ли мы смогли бы существовать, если все наши гены заменить символами или если бы наша способность употреблять символы не зависела от генов. В конечном счёте, черви не умеют говорить, а крокодилы не умеют писать.

После первой главы книга становится лучше, едва Парсонс оставляет в покое свою систему и начинает рассказывать об обществах австралийских автохтонов и африканских Шиллуков, о социальных структурах древнего Египта, Месопотамии, Израиля, Греции, Рима и исламских империй. Хотя и в этой части книги ничего нового найти невозможно, содержащаяся в ней информация могла бы оказаться полезной для новичков, не знакомых с историей, если бы она воплощалась в строгой и ясной форме, а не была упакованной в помпезную и туманную фразеологию. Например, для того чтобы узнать, что в древнем Египте простые люди были обязаны работать бесплатно на фараонов и жрецов, нас заставляют прочесть следующий фрагмент:

«Тем, роль которых состояла главным образом в оказании услуг, в отличие от руководителей, обладающих ответственностью, главным образцом поведения было выполнение налагаемых властью обязанностей, которые были связаны с положением в социальной группе и её различных сегментах. Ближайшей аналогией, известной нам из современности, является всеобщая воинская повинность, – с одним различием: египетская бюрократия не нуждалась в ожидании ситуации угрозы ради исполнения обязанностей» [Andreski 2002: 69].

Герберт Спенсер ввёл понятие эволюции в исследование общества и также изобрёл термин «сравнительная социология». Он упоминается в выводах Парсонса:

«Анализ Спенсера значительно отличается от большинства теорий эволюции тем, что измерение развития, на которое я ссылался, полностью соответствует идее, которая гласит: существует значительная разнородность и специализация различных линий эволюции. Из доступных изученных свидетельств вытекает, что на ранних этапах эволюции основные типы обществ имели многообразное и разнородное происхождение. На этом основании мы не должны постулировать единое первобытное происхождение всех промежуточных обществ, даже если мы рассматриваем такие факторы как необходимые условия независимой культурной легитимизации и стратификации всех промежуточных обществ. На всех уровнях значение такой разнородности можно оценить только с помощью аналитической теории, охватывающей различные факторы и компоненты. Бурное развитие данной теории со времён Спенсера даёт нам возможность построить намного более рафинированную схему эволюции, чем его схема» [Andreski 2002: 70].

Однако по существу предложенная Парсонсом схема является намного худшей версией эволюционизма Спенсера, который значительно строже сформулировал концепцию эволюции как тенденции роста дифференциации и интеграции. Разумеется, такие тенденции нетрудно обнаружить в истории человеческого общества. Тогда как дополнение оригинальной теории Спенсера формулой «рост адаптивных способностей» невозможно обосновать, поскольку она отражает устаревшую популярную биологию. Разве с точки зрения адаптивных способностей слон совершеннее мухи? Или человек превосходит вирус? Или американец лучше эскимоса? Как тогда быть с адаптацией эскимоса к жизни без стали, бензина и бумаги? А между тем Спенсер показал, что действительное различие сводится к вопросу: какое социальное множество сумело поглотить или уничтожить другое?

Также нельзя признать шагом вперёд парсоновскую схему классификации обществ на примитивные, промежуточные и современные, поскольку её познавательная ценность значительно меньше по сравнению с классификациями предшествующих авторов – начиная от Моргана, Маркса и Спенсера, и даже Фергюсона и Миллара вплоть до Хобхоуза, Штейнмеца и Торнвальда, которые предложили намного более обоснованные способы классификации.

Иногда чисто словесные выдумки, которые подаются как прирост знания, настолько бездарны, что трудно поверить, что их авторы действительно убеждены в том, что они открывают новые истины, а не смеются втихую над наивностью читателей. Лучшим примером такого обмана читателей является недавно возникшая мода использовать букву N взамен популярного слова потребность (need). Эта мода стимулируется приманкой возвышенности, связанной с использованием буквы N в математике, где она появляется достаточно часто. Благодаря вставке буквы N в различные части текста некоторым авторам удалось окружить свою писанину аурой строгой науки, что, видимо, должно произвести впечатление как на самого автора, так и на читателей, которые когда-то видели книги по математике, но никогда их не читали по причине непонимания. Примером злоупотребления верой в оккультную силу этой магической буквы может служить книга профессора Гарвардского университета Эверетта Хагена с бравурным титулом «О теории социальных изменений». Как говорил Гераклит, все течёт, все меняется. Поэтому может показаться, что посвящённый теории социальных изменений труд, в котором нет ни одной ссылки ни на один конкретный тип изменения, должен находиться в рамках широко понятой общей социологии. Однако в книге Хагена термин «социальное изменение» относится лишь к техническим инновациям – одному из возможных типов изменений. При поиске их источников автор без всяких оговорок постоянно меняет направление анализа, используя термин *инновация* в самом широком смысле, и ловко переходит к дискуссии об определении *инновации* как таковой с психологической точки зрения. Хаген по профессии экономист. Но ему надоела экономическая теория, поскольку она (что надо признать истиной) недостаточна для объяснения экономической отсталости. Поэтому он занялся частично социологическим, но главным образом психологическим объяснениями инноваций.

Хаген выходит далеко за горизонт мышления большинства экономистов, приписывая психическую природу факторам, от которых зависит, наступит или не наступит экономическая революция в данной стране. Такая ситуация вполне возможна, но для иллюстрации (не говоря уже о доказательстве) того, что именно психические факторы действительно имеют ключевое значение, Хейген должен был бы сравнить общества с примерно одинаковым уровнем культуры, хозяйства и техники, но совершенно различными свойствами психики членов данных обществ. Вместо этого он противопоставляет психические свойства людей, живущих в настолько разных условиях, что все остальные факторы, которые могли бы иметь значение, тоже радикально различаются. Можно размышлять о том, каким образом различия в так называемом национальном характере повлияли на темп экономического развития во Франции

и Германии. Однако смехотворной выглядит попытка Хейгена объяснять медленный (по сравнению с современными США) темп технического развития Сиуксов или древних кельтов различиями в способе воспитания детей или в способах соблюдения санитарии. Если бы Сиуксы или даже современные бирманские крестьяне были охвачены погоней за техническими инновациями, то смогли бы они построить атомные реакторы или сверхзвуковые самолёты?

Автор пишет образ «традиционной ментальности» на основе исследований американских специалистов, которые даже не ставили себе задачу изучить иностранные языки, механически применяя в отношении жителей аравийской пустыни и бирманских джунглей анкеты, подготовленные для студентов в Милуоки. Все это напоминает красочные рассказы случайных дорожных попутчиков, переведённых на тёмный жаргон психоанализа. На одной из страниц его книги находим утверждение: «Многие люди в неразвитых странах боятся американцев не только сознательно, но и всеми своими нервами». Каждый, у кого был хотя бы кратковременный контакт с деревенскими жителями или членами современных родоплеменных сообществ, прекрасно знает, что их действиями совершенно не руководит некий магический страх и что уровень их понимания не ниже уровня обычных жителей современных городов. Наоборот, у охотника и пастуха больше возможностей для принятия самостоятельных решений и преодоления жизненных трудностей, чем у обычного работника фирм типа Дженерал Моторс или Унилевер. Плохое мнение Хейгена об умственном развитии жителей промышленно неразвитых стран опирается на их неудачные ответы на вопросы, которые, по его мнению, подходят для неграмотных крестьян. Он цитирует следующий фрагмент книги своего известного коллеги Даниеля Лернера «Изменения традиционного общества»:

> Было поставлено два вопроса: «Если бы ты был издателем газеты, какие статьи ты бы публиковал?» и «Какое ты бы принял решение, если бы был премьер-министром?». Как я уже писал в пятой главе, в которой рассматривалась проблема «общего знания мира», многие крестьяне просто не в состоянии ответить на такие вопросы.

Ну, разве не удивительно? Тогда почему бы не изучать «общее знание мира» у президента США или у его министра иностранных дел, задав ему вопрос: каков лучший способ доения верблюда?

Анализ психических факторов помогает найти ответ на вопрос: почему одни люди могут, а другие не могут совершать технических инноваций? Но этого недостаточно для объяснения различий в степени технического развития обществ. Гипотезу о взаимосвязи способа воспитания со способностью людей к инновациям можно проверить, изучая биографии великих изобретателей и сопоставляя этот материал с историей обычаев, но Хаген даже не пытается это сделать. Если бы он рискнул, то наверняка узнал бы, что многие гиганты науки не имели ничего общего с компанейскими и гоняющимися за новостями американскими подростками, а были робкими, нервными и замкнутыми людьми (Ньютон) или получили суровое и авторитарное воспитание (Гаусс). Предельно широкое понятие *инноватор* он применяет для описания настолько разных фигур, как Чингисхан, Эдисон, Аль Капоне, Кристиан Диор, Эйнштейн, группа «Битлз» и князь Валии (который ввёл моду носить брюки определённого покроя). Существует ли общий психический знаменатель для всех указанных особ?

Рамки проведённого Хагеном психологического анализа определяются понятием *потребность*, которое он считает инновационным, хотя его можно найти уже в Библии. Но следует заметить: в отличие от супернаучных психологов Библия не смешивает объективную потребность (без удовлетворения которой невозможно выжить) с обычным желанием. Однако Хаген вводит (или заимствует у психолога Г. Муррея) одну действительную инновацию –

последовательное нарушение нормы английского языка (даже в его американской модификации), которая гласит: если имя существительное используется в функции обстоятельства, то оно всегда должно находиться перед существительным, а не наоборот. Хаген многократно использует оборот need agression вместо agression need для обозначения склонности к агрессивному поведению[2]. С древних времён философы размышляли об этом явлении, называя его инстинктом борьбы или агрессии, но никто не придумал выражения, которое было бы столь же непонятным. В словаре Хагена склонность надеяться лишь на себя обозначается как потребность автономии, амбиция – как потребность достижений, общительность – как потребность аффилиации. Он пишет: «Потребность понимания – это потребность понимать то, как привести свои мысли в соответствие с фактами». Конечно, «потребность понимания» или «желание понимания» не звучали бы достаточно научно. В другом месте читаем: «Потребность в порядке – это потребность в упорядочивании вещей».

Не менее блестяще Хаген толкует исторический материал. На тему об экономическом развитии Колумбии можно прочесть: «Простейший ответ на вопрос, почему началось развитие, звучит так: потому что жители окраин города Антьокия оказались предприимчивыми. Однако заселение данного города произошло намного раньше начала указанного «экономического рывка». Почему же жители города так долго ждали и почему ещё дольше не подождали «экономического рывка»? – на этот вопрос Хаген не отвечает. Он говорит, что ведущая роль жителей этого города в промышленности и торговле Колумбии вытекала из того, что «они проявили большую потребность в автономии, достижениях и порядке». Это значит, что они надеялись только на себя, были амбициозны и стремились к порядку.

Элементарный обзор господствующих в Колумбии аграрных отношений позволяет понять истоки значительной предрасположенности жителей данного региона страны к предприимчивости. Большая часть Колумбии была поделена на крупные землевладения, в которых у крестьян не было шансов улучшить своё положение исключительно трудом, а землевладельцы тоже не хотели особо напрягаться. Тогда как в провинции Антьокия земля находилась в руках крестьян, которые сами не пользовались чужим трудом и их трудом тоже никто не пользовался. Это выработало у них ответственность, предусмотрительность и трудолюбие – добродетели, без которых невозможно успешное предпринимательство. Тогда как на вопрос: почему неожиданный рывок в развитии промышленности произошёл именно в этот, а не в другой момент? – трудно ответить без учёта политических и экономических обстоятельств не только в самой Колумбии, но и в странах, с которыми она торговала. Объяснение развития промышленности или научного творчества влиянием санитарных требований (опрятности) неосновательно, но не исключено, что его можно применять при объяснении желания загрязнять язык безобразными новообразованиями.

Несомненно, стимулом для большинства критиков социологии является скрытое нежелание социологов систематически изучать социальные проблемы. Более того, бывают ситуации, в которых действительно надо использовать новые термины[3]. Тогда как придуманный без всякой нужды непонятный социологический жаргон состоит преимущественно из безобразных и несуразных неологизмов, за которыми не стоят никакие новые мысли.

Для доказательства самому себе, что я тоже сумею совершать подобные открытия и что моя неприязнь к ним не обусловлена завистью, я написал краткое сообщение, которое было

[2] В польском языке нет аналогичного принципа. Вместо agression need, который по-английски должен иметь только такую правильную форму, в польском языке могло бы звучать «потребность агрессии» или «агрессии потребность»; хотя вторая форма кажется несколько искусственной, она не удивила бы никого, если бы была высказана, к примеру, в стихотворении.

[3] В книге «The Uses of Comparative Sociology» я стремился определить условия, при которых необходимо создание неологизмов.

опубликовано в одном из социологических журналов. Но прежде надо разъяснить, что, кроме уже известного нам сокращения «n Ach» (need achivement или потребность в достижениях), я использовал аналогичное внеграмматическое выражение Хагена «n Aff» (need affiliation), означающее «потребность аффилиации» или принадлежности к группе, – известная с незапамятных времени склонность под названием общительность. Кроме того, от себя добавил выражение «n Bam”, о значении которого англоязычные читатели могут догадаться. То bamboozle означает обмануть, надуть. В каждом языке может быть найден свой эквивалент.

Вот этот текст:

> В связи со статьёй Дэвида Маккленнанда следует добавить, что первые результаты наших исследований о процессе кодирования во взаимодействии посредством коммуникации показывают, что (с учётом многократной пермутации) затруднительно установить непосредственные корреляты n Aff. С другой стороны, если на энцефалограмме отношение dy к dx меньше 0, то n Aff достигает существенно высшей положительной корреляции с n Bam, несмотря на частично стохастическую природу связи между указанными двумя переменными.

После публикации сообщения я получил несколько предложений о сотрудничестве от институтов, которые занимаются промышленной социологией. Читатель может попробовать самостоятельно расшифровать смысл приведённого фрагмента, а затем сравнить результат с моим переводом на понятный язык, который приводится ниже:

> С учётом двуличной человеческой природы трудно установить, почему люди стремятся принадлежать к той или иной группе, однако наблюдение за людьми, которые что-то пишут или говорят, ясно показывает, что когда деятельность мозга замедляется, то стремление к достижениям часто культивирует потребность в обмане.

В указанной в приведённом фрагменте статье ее автор применял популярный способ объяснения, который сводится к тавтологичному повторению того, что давно хорошо известно. Триста лет тому назад Мольер прекрасно высмеял этот шаблон в одной из своих пьес, в которой на вопрос, почему опиум усыпляет людей, дан ответ, что это происходит вследствие его усыпляющих свойств. В историографии и социальных науках такой тип объяснения возникает постоянно. Примером может быть ряд высказываний великого учёного Вернера Зомбарта, который объяснял развитие капитализма распространением «духа капитализма», ничего не говоря о том, каким образом можно узнать этот дух, если не посредством наблюдения событий, образующих то, что называли развитием капитализма.

Утверждения, в которых мы находим термины типа «n Aff», содержат тот же самый недостаток, однако не содержат интересных мыслей другого рода, которые нетрудно обнаружить в сочинениях Зомбарта. Например, крайне устарела тенденция объяснять различия в научном и экономическом развитии Востока и Запада наличием у жителей Запада таких свойств, которых нет у людей Востока. Однако даже расистский по своим ориентациям Гобине не заходил столь далеко, чтобы полностью отказывать людям Востока в стремлении к любым достижениям. До сих пор не открыт ни один народ, секта или племя, о которых можно было бы сказать, что у его представителей нет мотивации ни к каким достижениям. Свихнувшиеся на тестах американские психологи определяют празднoболтающихся по улицам негров как «лишённых мотива достижений». Действительно, уличные фланёры могут не забивать свои мозги успехами в учёбе, но взамен они прилагают большие усилия по обретению высокого статуса в своём ганге (с помощью удачи, воровства, побед над женщинами), что

исключает их хорошую учёбу. Древние монахи и пустынники были чужды духу капиталистической предприимчивости. Но они отрешались от многих соблазнов ради достижения святости и спасения, что часто порождало конкуренцию за титул самого святого. Индейские воины денег не знали, зато культивировали достижения в числе добытых скальпов. Описанный Сервантесом идальго не заботился о накоплении богатств, но упорно стремился к достоинству и славе.

Ключевой вопрос не сводится к желанию (или их отсутствию) достижений. Почему в данном обществе желание направлено на одни, а не на другие цели? Объяснение бедности Индии путём приписывания индусам отсутствия мотивации в достижениях содержит элементы этноцентризма, поскольку, во-первых, «дух предприимчивости» может вызвать поведение, которое позволяет развивать экономику в одних условиях, а в других тормозит её развитие, а во-вторых, даже если бы все население Индии состояло только из одних факиров, то это нисколько не доказывало бы отсутствия у них стремления к достижениям, а доказывало бы только то, что они стремятся к достижению целей, которых нет у типичного американца или европейца. Если Муррей, Маккленнад, Хаген или их последователи в этом сомневаются, то пусть на собственной шкуре испытают простейшие достижения факира (например, умение лежать на гвоздях).

Применение буквы N позволяет без труда заработать интеллектуальный капитал на престиже, присущем науке математики. Такова единственная причина замены слова *желание* словом *потребность*, благодаря чему стал возможен столь импонирующий оборот. Как известно всем тем, чей ум не испорчен псевдообразованием, люди часто желают того, в чем они не нуждаются и что может даже нанести им вред (например, излишнее скопидомство или обжорство). Одновременно люди нуждаются в вещах, которых обычно не хотят (например, чистый воздух или честная критика). Неточное выражение «редукция потребностей», которым в последнее время увлекаются психологи, смешивает удовлетворение потребности с удовлетворением желания. Опасность непонимания небольшая, если мы экспериментируем на голодных крысах. Но когда речь идёт о человеческих желаниях (нередко ненасытных, подобно высокомерию и жадности), то это выражение лишь деформирует действительность. Кроме того, оно образует очередной пример того, как псевдонаучный жаргон порождает больше неясности, чем повседневный язык, в котором «редукция потребностей» тождественна выражению «удовлетворение потребностей». Если мы говорим, что господин X редуцировал свою потребность в снотворном (вследствие изменения привычек, диеты или переезда на тихую окраину), то мы имеем в виду, что он может удовлетворить её с помощью меньшего количества таблеток. Так редуцированная потребность может оказаться неудовлетворённой, если ему не удастся найти таблеток, тогда как «не редуцированная» потребность могла бы быть вполне удовлетворённой, если бы он купил их достаточно много.

То же отсутствие проницательности и рассудительности характеризует использование в психологическом жаргоне термина *усиление* (вместо слова *стимул*), в широком смысле охватывающее позитивные (поощрения) и негативные (наказания) стимулы. Как обычно бывает при употреблении жаргона, такая замена порождает путаницу вместо разъяснения сути дела. Слова *стимул*, *поощрение*, *наказание*, *запрет* описывают манипуляцию мотивацией человека или высших животных. Тогда как термин *усиление* значительно менее строг и может быть применён к военным операциям, техникам строительства, способу выдвижения аргументов в дискуссии. К тому же способ его использования в психологии противоречит логике языка, поскольку об усилении можно говорить лишь по отношению к тому предмету, который уже обладает определённой силой, а не тогда, когда необходим стимул, чтобы вызвать поведение, к которому индивид ранее не был склонен. Например, если я учреждаю фирму и приглашаю людей работать в ней за хорошую плату, то в целом я не усиливаю, а создаю у

них желание работать в моей фирме. То же самое относится к животным: когда Скиннер путём манипуляции поощрениями и наказаниями учил голубей играть в футбол, то он мог усиливать их склонность к такому поведению лишь тогда, когда предварительно уже привил им такую привычку. То, что он делал вначале, давая или не давая голубям еду, можно назвать применением, а не укреплением стимулов.

Проблема управления поведением человека и животных с помощью поощрений и наказаний кружила головы авторам множества трудов в сфере педологии, права, педагогики и управления, начиная от Аристотеля и Конфуция, не говоря уже о традиционных пословицах и поговорках. Разумеется, и на эту тему можно сказать нечто новое и важное, но сделать это нелегко. Тем более что один псевдонаучный термин может вызвать столько недоразумений, что даст возможность объявить выдающимся научным открытием нечто такое, что в лучшем случае будет упрощённой (а потому дешёвой) версией народной мудрости.

Истоки жаргонной заразы находятся в США, но она распространилась по всему миру при немалой помощи европейцев, заинтересованных в дружбе с богатыми американцами. А поскольку человек всегда отличался обезьяньей склонностью подражать другим, постольку даже интеллигентные люди повторяют бредни, которые разгоняют бег стада овец, стимулируемый страхом отстать от моды.

В древней Японии в коридорах школ традиционных боевых искусств на стенах был написан лозунг: «Не думай. Мышление делает трусом». Хотя ни у кого нет мужества признать это открыто, эпиграф современного научного мира может звучать аналогично: «Не думай. Мышление лишит тебя популярности во время следующего годичного собрания твоего Псевдонаучного Общества».

Чтобы у читателей не сложилось впечатления, что я по некой тайной причине политической природы критикую только американских учёных, хочу заметить, что европейцы вполне способны следовать самым худшим американским примерам и даже их обгонять. Например, во Франции распространился вид языкового шарлатанства, инициаторами и вдохновителями которого стали два «Мастера» – философ Мерло-Понти и социолог Георг Гурвич. Благодаря связи постмарксистской блевотины с американско-немецким жаргоном худшего пошиба Париж обогнал Бостон и стал крупнейшим в мире центром производства болтовни, которой приклеили ярлык экзистенциализма или структурализма. Даже без углубления в содержание опубликованных работ такие ярлыки должны вызывать подозрение по причине их напыщенной пустоты. Нет никакого сомнения в том, что мы существуем; что вещи тоже существуют, а все существующее должно иметь какую-то структуру. На протяжении столетий это было вполне очевидно, чтобы специально говорить об этом. А науки занимались изучением структуры своих предметов. Единственной инновацией структурализма является упорное повторение слова *структура*. Это надо признать ритуальной процедурой или симптомом навязчивого невроза. В последней главе (дополняющей польское издание) будет рассмотрено несколько примеров того, что сегодня в стране Декарта и Вольтера считается философией, социологией, психологией и лингвистикой[4]. Здесь рассмотрим менее показательный пример из Великобритании – книгу Джона Петера Неттла и Рональда Робертсона под названием International Systems and the Modernization of Society. Сами авторы признаются: «Предлагаемая работа не является итогом каких-либо систематических исследований или индивидуальных размышлений. Она в значительной мере возникла в результате неформальных дискуссий между двумя авторами, которые некоторое время работали вместе в Институте социальных исследований университета Лидса». Профессор Колумбийского университета Амитай Этци-

[4] Со времени, когда написаны эти слова, во Франции вышло несколько книг, демаскирующих псевдонауку такого типа. Видимо, наиболее сокрушительной является книга [Sokal, Bricmont 1997], которая вышла также на английском языке.

они написал вступление к книге и говорит о ней с благоговением: «Авторы этого труда обладают рядом важных заслуг в развитии теории социального управления, а дискуссия об индустриализации и модернизации, занимающая большую часть книги, расширит основы теории социального управления, поскольку две указанные проблемы образуют главные каналы, посредством которых осуществляется управление». Так получилось, что *социальное управление* является эвфемизмом *планирования* – слова, которое вызывает отвращение у американских бизнесменов, поскольку напоминает о социализме.

Цель книги – объяснить несколько основных понятий, однако путаный стиль, в каком она написана, приводит к совершенно противоположному результату. Трудно найти высказывания более тёмные, чем приведённые далее фрагменты, в которых авторы определяют цель своей работы:

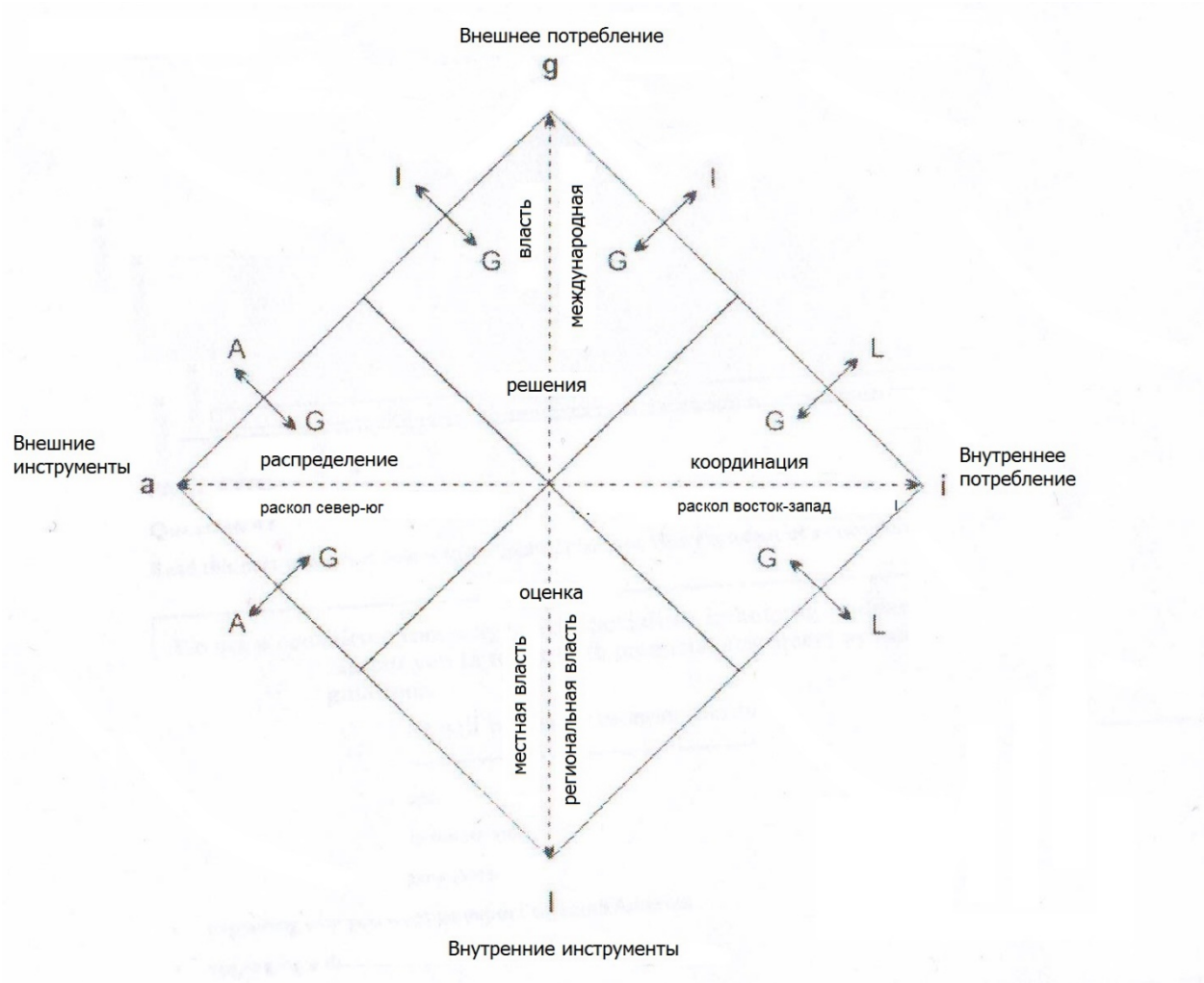
> «Наша главная задача – определение отношения между понятием и его предметом. Иначе говоря, наши размышления о понятиях, относящихся к процессам и моделям социальных изменений, обращены главным образом на мотивацию, которая анализируется не по номинальным образцам, а на примерах из действительности. Мы бы хотели подчеркнуть неотложную потребность обратить больше внимания на феноменальные переменные, к которым относятся три главных понятия, а также множество им подобных».

И далее:

> Схема аналитического деления отдельных обществ на функциональные подсистемы была выработана Парсонсом, Смелсером и другими. Она сводится к категоризации всех аспектов социальных взаимодействий с точки зрения четырёх главных функциональных законов, которым должно соответствовать любое жизнеспособное общество. Мы предлагаем использовать концепцию четырёх функционально различных подсистем, из которых одна будет проявлять тенденцию к доминированию и большей ситуационной адекватности в определённое время… Нас здесь интересуют главные импликации фазовой модели так называемого двадцатого века. Разумеется, доказательство первенства, давления или адекватности является общим и непоследовательным, особенно если в игру входит социальная, а не только научно-социальная ориентация. Подчёркивая связь доминирования, пользы или внимания со стороны социологов и философов со значением функциональных акцентов в обществах, о которых идёт речь, мы полагаем, что интерес со стороны учёных хотя бы частично свидетельствует о важном значении предмета их исследований; естественно, мы учитываем также возможность существования прежде упомянутой автономии учёных, которая приподнимает академический стиль выше его «действительной» адекватности. Этот основной постулат, который сам по себе не предполагает причинно-следственной связи, а только корреляцию, наверняка обладает большей ценностью по отношению к прошлому, нежели к настоящему, – когда большинство исследований в сфере социальных наук способствуют тому, что идентификация доминирования с функциональным значением становится все более затруднительной».

Даже более ясные места книги отличаются не менее схоластическим стилем, при котором тексты индусских теологов кажутся образцом вполне практичного рационализма. Читатель может исходить из посылки: термин «модернизация» в повседневном языке означает процесс внедрения новых изобретений в общее употребление и не требует длинной и обширной экзегезы. Однако авторы книги посвящают пятнадцать страниц медитациям вокруг этого

термина, после чего вводят понятие *атаймичный статус* или *атаймия*. Это – пседонаучный эквивалент для обозначения отставания от современности[5].



После введения читателя в эту семантическую мистерию авторы переходят ко второй части. В ней они почти буквально понимают обыденную метафору, занимаясь поиском связи между наследованием имущества одним индивидом у другого и переходом от колониального правления к независимости. Самое удивительное в том, что авторы называют колонизаторов *благодетелями*, а новые государства называют *получателями дара*, хотя утверждают, что ведут свои рассуждения с точки зрения марксизма.

[5] «Таким образом, наша концептуализация термина «модернизация» выглядит следующим образом: модернизация – это процесс, который состоит в стремлении элит данной нации к редукции своего **атаймичного** статуса и достижения позиции, соответствующей другим высокоразвитым нациям. Цель стремления не является неизменной – она тоже постоянно меняется; восприятие данной цели будет зависеть одновременно как от ценностей и правил международной системы, так и от ценностей, диспозиций и способностей данной нации, особенно от способа трактовки данной цели элитами. Хотя международная система остаётся в самом центре нашего интереса, мы не стремимся приписывать ей некую особу телеологию. Мы стремились скорее взглянуть на международную систему как таковую, в которой почти каждый (преимущественно) определяет свои ценности и цели по отношению к установкам других людей и в которой выбор и использование технических достижений опираются также на широко распространённый образ знания и на селективность, связанную с различными дефинициями современности» [Andreski 2002: 82].

В конце книги приводится резюме. Если читатель захотел бы из него что-либо узнать о том, как обстоят дела в Конго, Венесуэле или где-либо ещё, пусть попытается изучить приведённую ниже мандалу[6]. При этом он не должен забывать, что «по мере развития социальной системы одни, более специализированные структуры, укоренённые в структурах, которые поддерживают образцы и управляют конфликтами – выделяются в зависимости от интегративных функций, политических функций, и, в конечном счёте, от функций адаптивных (преимущественно экономических)». Если возникает лёгкое головокружение, можно применить также фрейдовские интерпретации.

Благодаря дальнейшей «категоризации международных объектов ориентации» и «редукции атаймии» эта схема может оказаться не менее полезной в «социальном управлении», чем пророчества Нострадамуса.

Для верной оценки международного радиуса действия псевдонаучной терминологии дополним наш образец примером, вышедшим из-под пера автора – выходца из Третьего Мира и руководителя программы, которая проводится под эгидой Института исследований социального развития при ООН. Я имею в виду книгу Орланда Фальса Борди Subversion and Social Change in Colombia, опубликованную в издательстве Колумбийского университета в 1969 г. Хотя это не следует из названия, работа посвящена истории Колумбии от доколониальных времени до современности. Поскольку автор социолог, его занимает вопрос: позволяет ли знание современных социологических тенденций понять прошлое?

Подобно другим сферам знания, в исторической науке существенный прогресс может также произойти на основе взаимосвязи между сбором данных и созданием теории: новые данные стимулируют постановку новых вопросов и создание новых обобщений, что, в свою очередь, стимулирует сбор новой информации, значение (и даже наличие) которой раньше не подозревали. Например, марксизм в его начальном творческом периоде значительно повлиял на переход от концентрации внимания историков и философов на актуальных действиях выдающихся личностей к проблеме влияния экономических факторов на культурные и политические явления. Аналогичным образом социологическая школа Дюркгейма склонила французских историков рассматривать каждый элемент культуры как часть целостной органической структуры. Если социологическая теория должна открывать новые перспективы перед историками, то она должна указать на ранее упущенные из виду связи между наблюдаемыми видами событий. Это удалось сделать великим теоретикам – Марксу, Спенсеру, Дюркгейму, Парето и Веберу, несмотря на ошибки, которые они неизбежно совершали в качестве пионеров. Разумеется, в истории за последнее время тоже распространилась мода оперировать высокопарными терминами и ловко сконструированным пустословием, сторонники которого обещают пролить новый свет на события прошлого, хотя на деле неуклюже представляют хорошо известные факты с помощью непонятного жаргона.

В книге Борди невозможно обнаружить никаких новых данных, которые в более интересной форме можно найти в научных трудах, посвящённых Колумбии или общей истории Латинской Америки. Его книга отличается от них только претенциозной и неясной терминологией. Например, не является новостью утверждение: захват данной части мира испанцами и обращение индейцев в христианство привели к появлению нового социального порядка. Эта информация получила в книге новую форму с помощью этикетки *диалектической ретракции*, а её факторы называются *дезорганизаторами* или *кондишнкаторами*. Новая вера

[6] Мандала – сакральный символ. Это сложная геометрическая структура, символизирующая миропорядок, то есть, по сути, модель Вселенной. Этот символ пришёл в наш мир из восточных религиозных практик (буддизм, индуизм), где он был сакральным изображением мира богов. Слово в переводе с санскрита обозначает «круг», «диск», «центр». Источник: https://naturopiya.com/art-terapiya/mandala/chto-takoe-mandala-znachenie-vidy-kak-primenyat.html (Прим.перев.).

получила название *принудительно навязанных контрценностей*, новый моральный порядок – название *акритичных контрнорм*, старый социальный порядок определяется как *топия № 1*, а новый как *топия № 2*. На языке автора *топия* означает существовавшую или существующую социальную систему в отличие от *утопии*. Однако в словаре Борди *переворот* означает осуществление изменений в обществе. Значит, титул книги является обычным плеоназмом, поскольку использование слова *переворот* лишь пробуждает в читателе ожидание, что он узнает кое-что о тёмных махинациях в мире политики.

И все же использование плеоназмов – вполне безвредная процедура по сравнению с интеллектуальным балаганом, обусловленным смесью разбавленного марксизма и парсонианства, предназначенной для бедных. Но она образует бальзам для высших сфер международной бюрократии по делам культуры, в отношении которой всегда надо вести себя дипломатично, оказывая уважение любой идеологии, которая может оказаться обязательной в том или другом месте. Какой капиталист не возрадуется, если вместо кровавой революции ему скажут, что он ощутит лишь инструментализацию контрценностей и контрнорм топии № 5 посредством групп оппозиционной контрэлиты?

В последнее время одна из наиболее успешных рекламных кампаний проведена в отношении работ Маклюэна, получившего должность с огромной зарплатой в иезуитском университете Фордгам в Нью Йорке. Хор рецензентов дружно прославлял его труды как наибольшее открытие последних лет: одни сравнивали его с Фрейдом, другие – поскромнее – с Тойнби, скорее всего те, кто не читал книгу «Исследование истории», которая не принадлежит к той же категории, где находятся фантастические выдумки Маклюэна. С точки зрения логики и строгой научной методологии теории Тойнби можно признать нестрогими, непроверяемыми и тавтологичными, зато они насыщены детальным фактографическим знанием, и их следует рассматривать как результат серьёзных научных исследований. Они потребовали громадного труда и свободны от лингвистических фанаберий литератора Маклюэна, который открыто отвергает логику и декларирует неприязнь не только в отношении упорядоченной аргументации, но даже в отношении грамматики. В ответ на одну из критических рецензий в журнале «The Listener» Маклюэн пишет, что ошибка, жертвой которой пал Миллер, имеет свой источник в посылке: у Маклюэна есть какие-то «убеждения», теории и понятия, а не только наблюдения. Сравнения и сопоставления Тойнби могут показаться поверхностными и недостаточно обосновывающими его основные тезисы, особенно на фоне свершений таких аналитических и компаративных социологов, как Спенсер и Вебер, но они не лишены ценности и постоянно стимулируют мысль. Тогда как тезис (если не сказать пустословие) Маклюэна о том, что под влиянием телевизора люди становятся менее *визуальными*, а более «*сухо-ощущаемыми*», является совершенно неосновательным. Когда люди смотрят телевизор вместо чтения книги, они не становятся менее визуальными, поскольку по-прежнему пользуются зрением, как и при чтении книги. Можно только сказать, что их перцепция становится более образной и менее символической. Не существует никаких доказательств того, что до изобретения телевизора, транзисторов и механической музыки люди меньше пользовались слухом, а только то, что вместо вслушивания в звуки из чёрного ящика они слушали звуки природы, других людей и живой музыки. Однако наиболее абсурдным является мнение: благодаря просмотру телевизора современные люди приобрели более интенсивные тактильные ощущения. Как и где? Наверняка, не в руках и ногах. Скорее всего, в заднице. Правда, в потоке свободных ассоциаций Маклюэну иногда удаётся высказать забавное замечание, которое метафорически попадает в суть дела (например, что для современного человека по сравнению с древним вопросом: существует ли жизнь после смерти? стал более важным вопрос: существует ли жизнь до смерти?). Этот вопрос намного важнее достижений его более «учёных» коллег. С другой стороны, намного более серьёзные утверждения (например, о том, что

телевидение превратило мир в «глобальную деревню»), звучат вполне достойно, но лишаются глубокого смысла по причине оперирования слабо обоснованными метафорами.

Наиболее часто встречающимся примером пустого интеллектуального маньеризма является злоупотребление выражением *обратная связь*, который (вне присущего ему технического контекста) служит для замены слов *ответ* или *реакция*. Не менее бессмысленно и нелогично использовать выражения *внутренняя группа* и *внешняя группа*, поскольку слова *внутри* и *вне* получают смысл лишь тогда, когда установится определённый контекст (он может быть мнимым, хотя казаться очевидным), в которых он должен функционировать. Нет оснований говорить о внутренних и внешних карандашах, если не определяется пространство (например, ящик стола), к которой относится указанная дихотомия. В повседневном английском языке используются слова *инсайдер* и *аутсайдер*, и если выражения *внутренняя* и *внешняя группа* означают именно это, то они совершенно излишни. Более того, второе выражение может вводить в заблуждение, поскольку нет оснований полагать, что люди, не принадлежащие к данной группе, образуют какую-либо однородную и целостную группу, поскольку они могут вообще не знать о существовании и не видеть друг друга. Все клиенты одного прокатного пункта автомобилей образуют логическую категорию, но не группу в социологическом смысле, поскольку между ними нет взаимодействия. По этой же причине ошибочно называть всех, кто не принадлежит к данной группе, членами *внешней группы*. Если использовать данный принцип, тогда следовало бы в состав внешней группы по отношению к шахматному клубу при средней школе в Пангборне причислить господина Чжоу Эньлая и императора Хайле Селассие, что противоречит любым определениям слова *группа*.

Если выражение *внутренняя группа* должно означать всех членов данной группы, то оно одновременно является излишним и ошибочным. Если бы оно должно было относиться к группе, имеющей членов в отличие от не имеющей их, то это было бы крайне глупо, поскольку пустые множества допускаются только в теории, но никто не видел группы людей, исключающей любых членов. Может быть оправданным только использование данного выражения как прилагательного, когда говорится о внутригрупповых позициях (или о позициях в отношении к другим членам группы) в отличие от внешнегрупповых позиций в отношении лиц вне группы. Подобно моде, о которой скажем позже, замену слова *индивид* термином *актор* (как адмирацию существительного *группа*) с лишёнными значения прилагательными следует признать псевдонаучной претенциозностью.

Существует множество других примеров аналогичных терминологических казусов. По причине милитаризации науки слово *стратегия* охотно применяется взамен слова *метод*. Но в этом нет никакой пользы, а наоборот – подобно большинству капризов такое изменение привело к обеднению языка, поскольку вместо двух отдельных слов с разными значениями теперь мы имеем одно, к тому же используемое некритически. Это привело к абсурдным плеоназмам: примером может быть выражение *стратегия конфликта*, из которого вытекает, что имеются некие стратегии, не относящиеся ни к какому конфликту.

Одна из наиболее сбивающих с толку терминологических мод связана со словом *роль*, использование которого (не ограниченное театром) датируется в социологии уже с XVIII в. В современной социологии эта метафора стала всеобщей, а новая мания её бесконечного повторения получила название *ролевой теории*. Эта «теория» состоит из помпезных, неясных и немилосердно расширенных повторений всем давно известного: члены каждой группы выполняют разные (взаимодополняющие или противоположные) роли; индивиды меняют свои роли; группа может успешно действовать лишь тогда, когда роли её членов находятся в гармонии. Все эти банальности можно прекрасно выразить, вообще не используя слова *роль*. Это значит, что его применение может быть удобным, но не улучшает понимание описываемых фактов.

Высказывание «Каждый портрет есть автопортрет» может помочь установить причину, по которой в обществе социологов и психологов слышишь слова *роль* и *актор* с той же частотой, что матерщину среди солдат. Почему *актор*, а не *индивид*, *особа* или *исполнитель*? Видимо, потому, что сторонников этого слова мучит подавленный инстинкт, направленный на осознание того, что их дисциплина представляет необоснованную претензию на научность, и они подсознательно стремятся поддержать самоуважение, предлагая с помощью набора слов убеждение: социальная жизнь – это лишь театральное представление. Однако двусмысленный характер этой словесной эквилибристики требует очередного изменения в том же духе: замены слова *актор* словом *дурак*. Достаточно бегло просмотреть тексты, написанные пропагандистами теории ролей, чтобы убедиться: они обретут намного больше смысла, если сделают такую замену.

Разумеется, ничего плохого нет в самом слове *роль*. Оно может быть полезно, если используется при реальной нужде в нем, а не трактуется как магическое заклятье, открывающее сезам тайного знания. Хорошим способом для проверки того, имеем ли мы дело с новыми идеями или только с другим способом разговора о давно известных вещах, является попытка использования других слов. В данном случае мы не потеряем ничего, если заменим слово *роль* словами *позиция* или *место*. Нет никакого различия в значении выражений: его роль, позиция, место в группе. Все три слова метафорически определяют типичные взаимодействия в группе. Конечно, можно определить эти термины так, чтобы каждый из них имел иное значение. Но вместо того, чтобы это сделать, творцы теории ролей дали любителям жаргона право на переодевание обыденного знания в новомодную фразеологию.

Лишь Ирвингу Гофману удалось сделать вполне приличное употребление понятия *роли*, и он смог сказать нечто большее, чем общеизвестные трюизмы. Он понимает роль не метафорически, а придаёт ей смысл, наиболее близкий к театральному смыслу. И потому трактует социальные отношения как повторяющиеся встречи людей, каждый из которых играет и стремится (сознательно или автоматически) навязать партнёрам взаимодействия желательный образ собственной особы. В этом смысле каждый человек подобен актёру на сцене, который желает убедить публику в реальной жизненности исполняемой им роли. Хотя такой подход не привёл ни к каким сенсационным открытиям, он позволил Гофману расширить знание и написать несколько книг, которые прекрасно смотрятся на фоне скучной схоластики, культивируемой большинством сторонников ролевой теории.

Тенденция нагромождать и бесконечно пережёвывать банальности, скрывать трюизмы под смутным и помпезным жаргоном наиболее очевидна в пресловутой теории социального действия. Вебер создал невнятную классификацию всех социальных действий на типы «ценностно-рациональных» и «целе-рациональных», но она нисколько не помогла ему в создании сравнительных дескриптивных теорий. Несмотря на это Т. Парсонс сделал данную классификацию краеугольным камнем своей системы, пренебрегая намного более выдающимися достижениями Вебера в сравнительных исследованиях. В книге «Структура социального действия» Парсонс посвятил почти 600 страниц доказательству тезиса: высшим достижением А. Маршалла, М. Вебера, В. Парето и Э. Дюркгейма было создание «волевой теории действия», которую в конечном счёте сформулировал он сам. После просеивания мутного и невнятного языка, в котором сформулирована эта теория, она гласит: чтобы понять, почему люди делают то, что они делают, следует учитывать их желания, решения, имеющиеся в их распоряжении средства, и убеждения относительно того, как можно достичь желаемой цели.

Безусловно, обретение такого знания было великим шагом в развитии человеческого рода, но это случилось примерно в палеолите, поскольку уже для Гомера и библейских пророков это не было новостью. Истина в том, что ни один из указанных Парсонсом автором не высказывал эксплицитно утверждений данной «теории», но это произошло не потому, что

они ее не знали, а потому, что полагали: об очевидных вещах не следует особо распространяться перед любым умным читателем. Они не высказывались также на тему не менее важных принципов «теории» социального действия типа: люди могут общаться между собой, размышлять, передвигаться и обладают памятью. Но все это не означает, что мир должен был подождать, пока в XX в. некий профессор из Гарварда сделает столь невероятное открытие.

Использование жаргона и применение неясных оборотов мысли можно полностью объяснить естественным для человека желанием обрести престиж и прочую пользу с наименьшими затратами. В данном случае речь идёт о затратах, связанных с напряжением ума и формулировкой непопулярных мнений. Туманная риторика исключает такой риск и уменьшает потребность в углублённых исследованиях, а к тому же открывает путь к прекрасной академической карьере людям небольшого ума, ограниченность которых станет видна как на ладони, если свои суждения они выскажут сжато и точно. В принципе связь между характером «учёного», злоупотребляющего жаргоном, и размерами произведённого им пустословия, можно выразить уравнением, которое я предлагаю назвать Уравнением Пустословия. Его надо применять следующим образом: первым шагом является интуитивное приписывание соответствующего числа единиц (в соответствии с их оценками) амбиции (А) автора и его знанию (З), которое всегда должно быть больше нуля, поскольку нет никого, кто не знал бы совершенно ничего ни о чем. А должно иметь положительную ценность, поскольку если у кого-либо нет никаких амбиций, то он ничего не пишет, и не к чему применять наше уравнение. П означает величину пустословия. Наше уравнение выглядит так:

$$\frac{А - 1}{З} = П$$

Но почему «З–1»? Потому что если знание равно амбиции, то пустословия не возникает. Если знание выше амбиции, П имеет отрицательную ценность, а негативное пустословие равно содержательности и краткости. Однако существует предел краткости, поэтому П не может быть никогда меньше – 1, зато высшего предела пустословия не существует, которое может расти в бесконечность, по мере роста амбиции и падения знания.

Разумеется, данное уравнение не может рассматриваться как строгое до тех пор, пока не возникнут шкалы для измерения всех переменных, а результаты не будут подтверждены эмпирически. Но я считаю, что описанная в данном уравнении закономерность приближённо отражает действительность. Читатель может сам его проверить на авторах прочитанных книг, на своих коллегах, учителях или студентах. Объяснительная и предсказательная ценность моего уравнения по отношению к действительности примерно такова, как большинство правил эконометрии. Её достоинство состоит в том, что она объясняет поведение множества разных типов людей, от студента, который хочет написать курсовую работу, ничего толком не изучив, вплоть до учёного, имеющего достаточно большое знание, но пожираемого манией величия.

Если не считать экономистов, то единственным европейцем, который может сравниться с американскими учёными с точки зрения славы и значения является Клод Леви-Стросс – человек необыкновенного знания и интеллектуальных способностей. Его первый труд «Элементарные структуры родства» (1949 г.) был крупной попыткой объяснить способ функционирования различных систем кровных связей, основанной на анализе громадного числа данных и на рафинированной теоретической модели. В этом труде Леви-Стросс высказал намерение написать следующую книгу, посвящённую той же проблеме, в которой он (на основе использования прежних методов) займётся теми системами родства, которые не рассматривались в предыдущей работе. Естественно, критики дали систематическую опись неточных фактических данных, которые противоречат его теории. Это безусловно доказывает, что дан-

ная теория была не простой тавтологией, но серьёзной попыткой индуктивной генерализации. Возможно, Леви-Строссу удалось бы сохранить свои главные тезисы, если бы он проанализировал ограничивающие факторы и сузил выработанную им модель определенным видом систем, строго им описанных и объяснённых. Если бы он попытался это сделать и это ему удалось, он преобразовал бы свои ценные, но односторонние интерпретации в серьёзное научное знание. Но при этом он был бы вынужден отбросить утверждение, что нашёл универсальный ключ решения проблемы элементарных структур родства. Возможно, достижение было бы равно усилию, однако не настолько отдаленным, чтобы не гарантировать автору действительное прижизненное величие. Но то, что он опубликовал на протяжении нескольких десятков лет со времени появления его первой книги, показывает, что он резко изменил курс. Его ранние работы отличаются ясностью стиля. Вместо этого он начал развивать крайне туманные и неопределённые спекуляции, которые невозможно сопоставить с неудобными фактами. Они состоят главным образом из непроработанных кусков математики и лингвистики, смешанных с извлечениями из этнографии, приправленной марксизмом. И все это подаётся в соусе «философии из кафе» под названием экзистенциализм. Хотя этот продукт более напоминает отрывки сюрреалистической поэзии, автор связывает его с течением под названием *структурализм*, который является современным видом науки наук или квинтэссенцией всех наук, поскольку ему удалось найти наиболее элементарные элементы из всех, вместе взятых. Как уже говорилось, открытие сводится к скучному повторению мутной банальности, что все имеет структуру, с чем связано многократное приведение этого магического термина в его разнообразных переходных субстанциях, с концовками -ание, -ция и, разумеется, -изм. Книга Леви-Стросса «Мысль неосвоенная» ещё менее может помочь в познании способа мышления бесписьменных людей, чем прежний тезис Леви-Брюля: *Первобытные люди не могут мыслить логически*, выраженный в книгах, написанных в начале XX века. К тому же Леви-Стросс получил статус гуру, которого в социальных науках не удалось получить никому (включая Кейнса) в результате строгого и логического анализа.

После ликвидации стилистических фейерверков его теория относительно процессов мышления первобытных людей (или дикарей, как он их называет) заменяется в алхимический синтез Леви-Брюлевской теории пралогического мышления, связанной с известным уже более ста лет тезисом Адольфа Бастиана о существовании элементарных мыслей (или чего-то типа элементарных элементов всех систем верований) и Юнговскими архетипами, а все это выражено в непонятной терминологии, заимствованной из лингвистики. Но при всем при том Леви-Стросс обнаруживает немалую толику старого галльского духа, в отличие от непереваренной рвоты Парсонса. Его описание мифов переполнено множеством интересных подробностей. В соединении с юмористическими каламбурными комментариями это даёт материал для блестящего разговора при бокале бренди. Леви-Стросс обязан своей популярностью не только саморекламе как любителя Маркса (во времена, когда это было модно), но и словесному жонглированию, вполне подходящему для салонных разговоров. Не следует также сбрасывать со счетов его достаточно специфическую технику убеждения (напоминающую заклятия чародея), которая состоит в устрашении людей математикой и болтовне об алгебраических матрицах или трансформациях без объяснения, о чем идёт речь.

Путаные и мутные выводы дезориентируют новичков. Если читать труды или слушать лекции знаменитых профессоров из наиболее престижных университетов, не понимая в них ничего, откуда можно узнать, вызвано ли это недостатками ума читателя или бессмысленностью представленных выводов? Посылка, согласно которой все для тебя непонятное является бессмыслицей – открытый путь к полному невежеству. Поэтому в мои цели не входит поблажка ленивым мудрецам, которых притягивает к гуманитарным и социальным наукам видение лёгкой карьеры и которые готовы сделать все, лишь бы ничего не делать. Это страшно,

что профессора-жаргоноболтуны облегчают бездельникам следование таким склонностям. Как молодой учёный может продраться сквозь словесный туман и отличить действительное свершение от ловкого обмана?

Лично я советовал бы молодым учёным как можно более раннюю проверку собственных интеллектуальных способностей на книгах, которые, с одной стороны, принадлежат к таким сферам науки, где нет места для пустословия, а с другой стороны, не требуют специального знания, удовлетворяясь сильными умственными способностями. Таковыми являются публикации из сферы философии точных наук, например, «Логика современной физики» Бриджмена, «Философские основания физики» Карнапа, «Введение в философию математики» Рассела, «Принципы биологии» Й. Уодгера. Эти книги я называю, поскольку они мне известны, но есть и множество других и новейших книг такого типа. Не следует забывать, что это не те книги, которые читают перед сном. Но если, несмотря на искренние усилия, вы не в состоянии их понять, поскольку они требуют концентрации внимания и настойчивости, то я бы советовал вам держаться подальше от теорий высокого уровня сложности и самим не браться за создание абстракций. Каждый должен быть искренним перед самим собой и ставить цели по своим силам. Есть много разделов социологии, антропологии, психологии и экономии, в которых труд не связан с изобретением абстракций, и в которых вполне достаточно здравого рассудка, идущего в пару с большим знанием. Но если вы все же прочли и поняли пару книг из тех, что указаны выше, и, несмотря на большие усилия, не в состоянии понять, о чем идёт речь в книгах неких светил социологии, политологии или психологии, вы можете спокойно допустить, что вина на их стороне, а не на вашей, и вы верно определяете как бессмыслицу то, что они утверждают.

Если ты студент, то можешь использовать тот же самый критерий для проверки лекций своих учителей, которые утверждают, что предмет их преподавания базируется на непоколебимом научном фундаменте. Посмотри, сколько они знают о естественных науках и математике и их философских основаниях. Разумеется, тебе не надо надеяться, что они обладают знанием эксперта в данных сферах, но если все же они являются полными невежами в них, то не принимай всерьёз напыщенных утверждений об ультранаучном характере их теорий. Не позволяй, чтобы одни лишь титулы и должности сделали тебя полностью робким. В штате первоклассных университетов числятся преимущественно лучшие специалисты в сферах, в которых существуют строгие критерии оценки достижений. Но одновременно на данной стадии развития социальных наук процесс отбора слишком часто напоминает конкурс певцов перед глухим жюри, члены которого оценивают участников только на основе того, насколько широко они открывают рот.

По этой же причине ты не должен слишком доверять названию издательства, в котором публикуется данный автор, а также числом его опубликованных книг. Не забывай, что Эйнштейну хватило семнадцати страниц, чтобы революционизировать физику, а в любом доме сумасшедших найдёшь маньяков, которые ежедневно исписывают штабеля бумаги. Помни, что издатели заинтересованы в том, чтобы не простаивали печатные станки, и ничего не имеют против бессмыслицы, если только её можно продать. Как говорила моя бабушка, бумага выдержит.

Если клиенты наивны, то любой продавец может заработать на ухудшении качества продуктов. Всем хорошо известно, что упаковки становятся все ярче по мере падения качества товаров. Это относится не только к продуктам питания, но и к книгам. Особенно потому, что все больше издательств попадают под власть больших концернов, руководители которых вынуждены подтверждать свою эффективность ростом сверхприбыли и не могут забивать себе голову вопросами этической или эстетической природы. Если имеются в виду только деньги, а не гордость от честно выполненного труда, учёные охотно слушают тех, кто

рассказывает им, как жонглировать словами, разводить текст пожиже и подавать тот же самый продукт с эффективной псевдонаучной помпой, при этом «успокаивая» конкурентов, пишущих слишком ясно.

С чисто логической точки зрения argumentum ad hominem не может разрушить ценность утверждений, однако каждый хороший судья принимает во внимание возможные мотивы признания свидетеля. Можно сказать, что такое сравнение неправильно, поскольку судья должен решить, кому верить, а на науке надо основываться. Конечно, даже в точных науках бывают случаи шарлатанства, а там, где информацию невозможно проверить с помощью эксперимента, многое приходится принимать на веру. Историк, оценивающий достоверность источников, будет стараться определить характер и мотивацию их авторов; реальное исследование текущих событий следует проводить с той же самой осторожностью.

На полях я хочу дополнить сказанное личным выводом: чувство юмора является хорошим показателем ценности данной личности как наблюдателя человеческой жизни, но при условии, что он не является обманщиком или невежей. Правда, случай Ньютона и множество аналогичных случаев доказывает, что в математике и естественных науках такое свойство может быть несущественным, и даже в гуманитарных науках случались выдающиеся мыслители (Маркс, Шопенгауэр, Конт), у которых это чувство отсутствовало и которые всегда выражались с большой серьёзностью. Но не надо забывать, что наряду с оригинальностью и глубиной рефлексии они отличались также склонностью к доктринерству. Даже Макс Вебер был лишён чувства юмора, но все же его труды следует признать весьма основательными. Несмотря на это, мне кажется, что в общем случае существует связь между чувством юмора и способностью реалистической оценки социальных ситуаций. Я бы это объяснил следующим образом.

Мир никогда не удовлетворит все наши желания, и никто не может утешаться непрерывным счастьем. Даже те, кто доволен своей судьбой, отдают себе отчёт в неизбежности смерти, угрозы утраты близких, болезней и других несчастий, сознают бедствия многих людей и страдания животных. Говорят, что оптимист отличается от пессимиста тем, что после того, как выпита половина бутылки, пессимист печалится, что осталась всего половина, а оптимист доволен, что осталась половина. То же самое относится к жизни в целом: склонность концентрироваться на приятном, а не на неприятном – необходимое условие не только счастья, но и здоровой психики. Однако даже те, чей темперамент не склоняет к мрачным размышлениям, видят вокруг себя больше несчастья и зла, чем они бы хотели. Перед потерей интереса к жизни можно защищаться двумя способами: питать иллюзию, что мир лучше, чем он есть на самом деле, или оценивать его недостатки (как и свои собственные несовершенства) как достойные осмеяния. Иначе говоря, смех есть рациональный механизм, который позволяет нам смотреть на мир без меланхолии и без иллюзий. Поскольку впадающие в апатию люди редко обладают такой энергией, чтобы навязать нам свой взгляд на мир, тяга к иллюзиям есть главный барьер на пути к прогрессу в понимании общества, открывая поле для доктринерства или шарлатанства под покровом мутного пустословия. Чувство юмора – лучший внешний показатель вероятности того, что вы сопротивляетесь соблазну иллюзий и умеете верно воспринимать социальные ситуации.

Перевод с польского В.П. Макаренко

Андрески Ст. 2011. Самое уязвимое место: понятие рациональности. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 1. – С. 210–235.

Макаренко В.П. 2011. Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам (реферат книги Stanislaw Andreski. Maxa Webera olsnienia i pomylki. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992). – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 1. – С. 178–209.

Макаренко В.П. 2018а. Социология незнания: манипуляция, массовое производство и внутренняя цензура в социальных науках. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 1. – С. 255–265.

Макаренко В.П. 2018б. Социология незнания: терминология, идеология и пропаганда (реферат главы 12 книги: Andreski S. Czarnoksiestwo w naukach spolecznych. Warszawa Oficyna naukowa, 2002). – *Политическая концептология. журнал метадисциплинарных исследований*. – № 2. – С. 259–269.

Макаренко В.П. 2019. Станислав Андрески: исходные посылки социологии незнания. – *Вопросы философии*. – № 5. – С. 59–69.

Парсонс Т. 1993. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. Перевод Н.Л. Поляковой. – *Thesis*. – Вып. 2.

Проблемы политической философии… 2012. *Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика*. Под ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, Ростиздат.

Andreski St. *Czarnoksiestwo w naukach spolecznych*. – Warszawa, Oficyna naukowa, 2002.

Sokal A., Bricmont J. 1997. *Les Impostures Intellectuelles*. – Paris: H.O. Jacob.